

а также выявление подозрительных сделок среди всего спектра осуществляемых операций в финансовой системе страны.

Порядок идентификации и критерии отбора подозрительных сделок устанавливаются в законодательном порядке. Ответственность за реализацию положений данных законодательных актов возлагается на коммерческие организации, осуществляющие финансовые и иные операции с денежными средствами.

Процесс отмыывания незаконных доходов является весьма сложным и запутанным, причем инструменты и методы, используемые при этом, постоянно совершенствуются, поэтому законодатель вынужден пересматривать и дополнять перечень критериев отбора подозрительных сделок, подлежащих контролю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев В. М., Болотский Б. С. Разработка российского законодательства о противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных незаконным путем: некоторые дискуссионные вопросы // Государство и право. 1999. № 6. С. 48-50.

2. Третьяков И. Л. О законодательном регулировании вопросов противодействия легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем // Законодательство и экономика. 2004. № 4. С. 62.

3. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. 2001. 9 августа.

4. Крупин Е. В. Система внутреннего контроля в банках как инструмент противодействия отмыыванию «грязных» денег. // Банковские услуги. 2001. № 12. С. 31.

5. Положение ЦБР от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах».

6. Указание оперативного характера ЦБР от 28 ноября 2001 г. № 137-Т «О рекомендациях по разработке кредитными организациями правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп. от 16 января 2003 г.).

7. Гамза В. А. Банк как субъект борьбы с легализацией (отмыыванием) преступных доходов // Банковское дело. 2002. № 5. С. 25-31.

*Наталья Геннадьевна ХРАМЦОВА —
доцент кафедры социологии и социальной работы
Курганского государственного университета,
кандидат филологических наук*

УДК 340.113.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА КАК СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье дается общая характеристика категории правового дискурса, описываются ее особенности. Анализ правового дискурса проводится с позиций знаковых отношений, что является возможным в связи с интегративной тенденцией развития науки о праве.

In this article is given the main characteristic to the category of the law discourse, are described this peculiarities. The law discourse is analyzed from the viewpoint of sign relations. It is possible in connection with integrative tendency of development of law science.

Исследование правового дискурса находится в фокусе интересов отечественной юридической науки. Категории дискурса вообще и правового дискурса в

частности являются в настоящее время предметом научных дискуссий. Требуют освещения системообразующие признаки правового дискурса, его единицы, базовые концепты, функции, жанровые разновидности; нуждается в уточнении само понятие языка права.

Расширение понятийного аппарата юриспруденции, обогащение науки новыми терминами, формулами, идеями (возможно, за счет связанных с правоведением научных дисциплин) позволит не только более полно анализировать правовой материал, но и очертить перспективы развития права, прогнозировать и предугадывать будущее правовой науки.

Многие проблемы изучения правового дискурса являются междисциплинарными и рассматриваются с позиций юридической техники, лингвистики текста и дискурса, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, юрислингвистики, однако с позиций знаковых отношений (семиотики) правовой дискурс мало изучен.

Правовой дискурс представляет собой актуализированное в речи смысловое единство, употребленное в коммуникативной функции воздействия, которая проявляется при помощи вербальных и невербальных средств. Для него характерно социально обусловленное функционирование в правовой сфере. Это функционирование носит динамический характер. Таким образом, для правового дискурса как системы необходимо наличие трех системообразующих факторов — элементов, структуры и относительной целостности.

Основными элементами правового дискурса как системы коммуникации являются: коммуникатор (субъект права), текст, содержащий правовую информацию (правовой текст), канал (средства массовой информации) и коммуникант (субъект права). Коммуникатор создает текст и посылает его по каналам связи коммуниканту, реализуя цели той или иной социальной системы и удовлетворяя те или иные запросы коммуниканта как члена социума. Другими словами, субъекты права вступают в процесс взаимодействия в сфере правового общения с помощью правовых текстов с целью установления правовых отношений. Таково реальное измерение правового дискурса. Однако правовой дискурс имеет еще и виртуальное измерение, которое представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир права и, кроме того, набор моделей речевых действий и жанров правового дискурса, специфических для общения в данной коммуникативной ситуации. Поэтому к основным элементам правового дискурса как системы коммуникации, на наш взгляд, следует отнести и контекст, который, по сути, и является ситуацией общения. Именно характеризуя ситуацию общения, мы можем описать не только вербальные, но и невербальные знаки взаимодействия при коммуникации (жесты, мимику, интонацию и т. д.), специфические жанровые особенности, а также особенности восприятия правовой информации коммуникантом. Важным моментом при восприятии правовой информации коммуникантом являются помехи, которые выделяет в процессе коммуникации американский исследователь, автор одной из моделей коммуникативного процесса, К. Шеннон. Помехами он называет факторы, затрудняющие передачу или прием сообщения.

Итак, правовой дискурс как система правовой коммуникации состоит из следующих основных элементов: субъектов права, выступающих в роли коммуникатора и коммуниканта, текста (правовой информации), канала передачи информации, контекста (коммуникативной ситуации) и факторов, затрудняющих прием и передачу правовой информации (помех).

Таким образом, правовой дискурс представляет собой сложную систему коммуникации, обеспечивающую такую непрерывную динамику функционирования

правового общения, при которой в соответствии с потребностью в реализации начал нормативности достигается сохранение и утверждение выраженных в праве социальных ценностей.

Такой подход во многом связан с утвердившейся в современной науке теорией систем, когда и само право интерпретируется как сложная система. Это понимание права как сложной системы основывается на признании того, что в условиях развитой правовой культуры при помощи правовых средств и механизмов регулирования «постоянно воспроизводится всеобщий модус права» [4], и «право несет в себе присущий всей культуре инвариант общественного опосредования субъект-субъектных отношений» [3].

Правовой дискурс — это система правовой коммуникации, обладающая признаком процессности, поэтому, как и для любой другой системы, для нее характерно наличие определенных связей и отношений. Специфическим признаком данной системы являются именно юридические связи, которые выражаются в языковом оформлении. Прочность этим связям придает и сила общественного мнения, и возможность государственного принуждения в случае разрыва этих связей. Но очевидно, что в конечном счете прочность этих связей покоится на объективных закономерностях развития общества, потребностях и интересах самих носителей этих связей. Эти связи объективируются в правовом дискурсе не непосредственно, а системно, опосредуясь всей структурной целостностью, нормативной регулятивностью.

Целостность структуры правового дискурса определяется отношениями координации между элементами его структуры. Это означает, что ни один элемент не вытекает из другого, содержание одного из них не охватывается полностью другим, хотя в определенной мере они стыкуются, в определенной части перекрещиваются. Правовой дискурс существует в форме структурно упорядоченного сектора, сферы правового пространства, в котором все многообразие правового общения представлено под специфическим углом зрения — юридической нормативности. С точки зрения информационного подхода норма права — это не просто информация, это информация необычная, предписывающая. Цель ее — не описание состояния какой-либо системы или ее элементов, а воздействие на систему или какой-либо объект, стремление вызвать у объекта или системы определенную реакцию, побудить ее к определенному действию, изменению. Следовательно, с помощью передачи нормативной информации осуществляется правовое регулирование.

Особенности правового дискурса определяются сущностными качествами (свойствами, признаками) права. «Сущностные качества права — это свойства, характерные для права любой страны и любой эпохи, те качества, без которых право не может быть, без которых оно не действует, не выполняет своей социальной роли» [2], — а следовательно, без этих особенностей не может существовать и правовой дискурс.

В юридической литературе многие авторы на первое место среди таких свойств по большей части ставят свойство *нормативности*, которое, по мнению С. С. Алексеева, было бы точнее обозначить как *общеобязательную нормативность*. Нормативность в указанном значении «представляет собой действие права как регулирующей системы, состоящей из нормативных принципов и предписаний, правил поведения общего характера, распространяющихся на всех и на каждого, на любой круг лиц в данном государстве, а также способность права в соответствии с предписаниями закона охватить по фиксированным признакам любой круг явлений и процессов» [1].

Право — это и информация, и способ регулирования поведения. Право состоит из правил общего характера, которые не исчерпываются исполнением, а адресованы кругу лиц, определяемых родовыми признаками. Когда в развитии общественных отношений создаются или возникают предусмотренные нормой условия ее реализации, у участников этих отношений возникают конкретные права и обязанности, образующие правоотношение. Правовая норма обращена в будущее (виртуальное измерение правового дискурса) в том смысле, что она рассчитана не просто на данный конкретный случай (отношение), а на вид, неопределенное число установленных в общей форме случаев и отношений, и реализуется каждый раз, когда возникают предусмотренные ею обстоятельства и ситуации.

Вместе с нормативностью высокая значимость придается и такому свойству права, как *определенность содержания* или *формальная определенность*. Формальная определенность представляет собой способность права (главным образом при помощи письменных нормативных документов — законов, иных источников права) предельно точно фиксировать в формализованном виде необходимые стороны и грани, детали и подробности внешнего поведения лиц, их поступков, в том числе — самым точным образом определять границы внешней свободы, а также последствия нарушения этих границ. Нормы права официально закрепляются в законах, иных нормативных актах, так как иного способа предельно строгой и точной фиксации содержания, кроме знаковой, письменной, не существует.

Свойство формальной определенности в правовом дискурсе можно выразить синхронией, которая существует в языке. Состояние же синхронии юридического языка поддерживается властью.

Законодательный орган создает текст закона, который подлежит единообразному толкованию. Этот текст находится в потоке правового дискурса, подчиняясь его законам и выражая в себе его общее состояние, и вместе с тем он служит объектом упорядочивающих усилий со стороны власти. Смысл текста закона создается авторитетным интерпретатором юридического текста, оформляется в относительно устойчивой форме и прочитывается как «правильный» в данном контексте.

Поэтому именно с актом прочтения — интерпретации текста закона связано конституирование права. Право может успешно функционировать лишь при условии бесспорности, недвусмысленности, а также доказуемости условий возникновения прав и обязанностей, точности определения содержания правоотношения, ясности запретов и санкций за их нарушение. А это невозможно без следующего свойства права — *системности*.

Под системностью понимается такая связь правовых норм, при которой одни нормы определяют условия осуществления других правовых норм, нарушение которых, в свою очередь, должно влечь применение норм, определяющих соответствующие меры принуждения [5]. Именно через системы правовых средств оказывается возможным обеспечить многостороннее правовое воздействие на общественные отношения, учесть интересы различных субъектов, в полной мере реализовать в юридическом и социальном бытии глубокие правовые начала, надежно юридически гарантировать правовые позиции субъектов. Как правило, отдельное, изолированно взятое нормативное предписание не выступает в качестве регулятора в реальных жизненных отношениях. В действии того или иного нормативного положения нередко, так сказать, в скрытом виде проявляется и действие нормативных положений более высокого ранга. Действие каждого нормативного положения сопровождается не только явлениями более высокого ранга, хотя такого же нормативного класса, но и явлениями, относящимися к другим секторам целостной правовой системы.

Системность в правовом дискурсе проявляется не только на уровне норм права, но и в области юридических терминов, что также является важным при интерпретации правового текста.

Характерной чертой правовой картины является ее многоуровневая, иерархическая структура, элементарной составляющей которой является единичное нормативное положение, т. е. норма, предписание. Совокупности нормативных положений в их целостности и системности образуют объективное право того или иного государства.

Теоретическим выражением системных связей юридически значимых элементов правовой системы является «логическая структура правовой нормы», согласно которой правовая норма состоит из трех элементов (т. е. составных частей) — гипотезы, диспозиции и санкции.

Гипотеза определяет круг лиц, которым адресована правовая норма, а также обстоятельства (юридические факты), при наступлении которых она реализуется. Диспозиция содержит само правило поведения, выраженное как запрет или как определение обязанностей и прав сторон правоотношения. Санкция — указание на меры государственного принуждения за нарушение диспозиции.

Отметив наиболее важные особенности правового дискурса, нельзя не сказать о таком его качестве, как *общеобязательность*. Нормы права способны распространять свое действие на территорию всей страны, на все население. Хотя юридические нормы и могут быть рассчитаны лишь на определенный аспект жизни общества, тот или иной круг лиц либо на ограниченное во времени действие (например, нормы для военнослужащих, нормы, рассчитанные на время приватизации), они все же, в принципе, изначально предназначены на всеобщее действие, на действие, обязательное для всех. В правовом дискурсе мы имеем дело с одной целью: выражение общеобязательных норм права с целью установления правовых отношений. Даже если эта цель четко не просматривается или скрыта, она оказывает свое влияние на презентацию информации.

Достижение определенных целей в правовом дискурсе обосновывает использование аргументативных схем. Аргументацию в правовом дискурсе можно охарактеризовать как особый вид коммуникации, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения и общеобязательности.

Применительно к области права, аргументация оказывается исторически обусловленной, субъективной, ограниченной в пространстве и времени, ориентированной на определенную аудиторию. Аргументативные стратегии правового дискурса представляют собой обращение к моральным и универсальным ценностям, выраженные в общеобязательных нормах права.

Таким образом, правовые нормы представляют собой должествование особого рода: они выражают предписания, общеобязательные «модели поведения», что накладывает специфику и на правовой дискурс. Обязательность правовой нормы означает ее защищенность государством, возможность применения мер *государственного принуждения* в случае противоправных деяний. Охрана государственным принуждением — специфический признак правовых норм, отличающий их от других социальных норм: нравственности, обычаев, корпоративных норм и т. д. Государственное принуждение реализуется в двух направлениях: оно обеспечивает защиту субъективного права и преследует цель принудить правонарушителя к исполнению обязанности в интересах пострадавшей стороны (например, взыскание долга, возмещение причиненного ущерба); в определенных законом случаях виновный привлекается к юридической ответственности.

ти и подвергается наказанию (лишение свободы, конфискация имущества, штраф и т. п.). Именно государство придает праву в высшей степени ценные свойства: стабильность, строгую определенность и обеспеченность «будущего».

Правовой дискурс является по своей природе схематизированным, нивелированным и нормированным. Это означает, что существуют внутренние зависимости отдельных составляющих дискурса. Неизбежная ассоциативная связь между прошлым и настоящим при употреблении определенных лексических единиц подтверждает пространственный характер нормативных предписаний. Норма рассчитана на регулирование не единичного отдельного отношения, а вида общественных отношений; она продолжает действовать после реализации в индивидуальных отношениях и в поведении конкретных людей.

При анализе соотношения и взаимодействия понятий «правовая коммуникация» и «правовой дискурс» возникает проблема охраны права со стороны государства. Содержание многих правовых определений и предписаний лишь отдаленно, опосредованно связано с государственным принуждением. Между тем в обыденном сознании право часто ассоциируется не столько с порядком, сколько с принуждением. Нормы определяют виды субъектов права, их статусы, состояния, юридические факты, условия действительности сделок и договоров, порядок совершения действий, порождающих юридические последствия и др. Все это имеет важное значение для реализации права, создания правопорядка, охраны и воспроизводства общественных отношений определенных видов и типов, решения возникающих споров и конфликтов.

Поэтому гораздо важнее не понятие государственного принуждения, а понятие *государственной обеспеченности*. Это признак, свидетельствующий о том, что общие правила, которые признаются государством в качестве правовых, имеют поддержку самой мощной социальной силы — государственной власти, всего государства. А это придает праву значительную надежность, дает людям уверенность, что предусмотренные в юридических нормах права и обязанности будут реально осуществлены, даже гарантирует наступление ожидаемого от юридических норм результата.

Власть, которая основывает свой авторитет не на грубой силе, а стремится утвердиться в качестве справедливой в глазах общественного мнения, неминуемо прибегает к средствам речевого убеждения. Посредством этого законодатель убеждает в «правости» закона общество.

Государственная обеспеченность представляет собой прочность, надежность, высокую гарантированность действия права, дает возможность сделать реальным вводимый порядок прав и обязанностей. Происходит это с помощью особого порядка *реализации права*. Реализация права — это осуществление юридически закрепленных и гарантированных государством возможностей, проведение их в жизнь в деятельности людей и организаций. Право в отличие от иных возможностей (планов, программ, намерений) характеризуется повышенной способностью к реализации, оно обеспечено гарантиями.

Именно государственная власть оснащает необходимыми полномочиями и надлежащими средствами воздействия правоохранительные учреждения, органы юрисдикции, правосудия, что и дает значительные гарантии реализации правовых установлений.

Итак, право естественным образом проблематизируется в контексте правового дискурса как одного из уровней социально-правового пространства.

Конкретизация этого уровня социально-правового пространства, отказ от его унификации, отождествления с некими общечеловеческими ценностями — это необходимое условие адекватного понимания той роли, которую играет правовой дискурс для определения специфики функционирования и развития национальных

правовых систем, эффективного решения актуальных политико-правовых проблем.

Правовой дискурс представляется разновидностью повторяющегося и устойчивого правового общения, в котором все его участники обмениваются определенными суждениями, демонстрируя свою приверженность вполне определенным этическим основам национальной культуры, составляющим базис законности и правового порядка в стране.

Итак, правовой дискурс — это система правовой коммуникации, в которой протекают процессы взаимодействия субъектов права с целью установления правовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 245
2. Лейст О. Э. Сущность права. М.: Зерцало, 2002. С. 51
3. Малинова И. П. Философия правотворчества. Екатеринбург: УрГЮА, 1996. С. 106
4. Фихте И. Г. Соч. в 2 т. Т. 2. СПб: Мифрил, 1993. С. 177
5. Шейндлин Б. В. Сущность советского права. Л.: Изд.-во ЛГУ, 1959. С. 7

*Анастасия Юрьевна СЕМЕНОВА —
аспирант кафедры конституционного
и муниципального права*

УДК 342

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется содержание и соотношение таких понятий, как «права человека» и «свободы человека», «права человека» и «права гражданина», «основные права и свободы» и «конституционные права и свободы». Приведены точки зрения известных российских ученых-правоведов (Н. В. Витрука, Л. Д. Воеводина, А. В. Малько, Н. И. Матузова, Е. А. Лукашевой, Г. В. Игнатенко, М. В. Баглая и др.) изложена собственная позиция автора по данным вопросам.

Having scrutinized the viewpoints of famous Russian scientists (N. V. Vitruk, L. V. Voevodin, A. V. Malko, N. I. Matuzov, E. A. Lukasheva, G. V. Ignatenko, M. V. Baglay etc.) the author analyses the essence and correlation of such notions as «human rights» and «human freedoms», «human rights» and «citizens rights», «fundamental rights and freedoms» and «constitutional rights and freedoms».

Перед Россией проблема прав человека, само существование которой долгое время оспаривалось, стоит особенно остро. Хотя в последнее десятилетие идея прав человека прочно укоренилась в общественном сознании, понимание того, что такое права и свободы человека и гражданина, есть далеко не у каждого рядового россиянина. В научной литературе также до сих пор не утихает полемика по поводу содержания и соотношения понятий «права человека», «свободы человека» «права гражданина», «основные права и свободы человека и гражданина», «конституционные права и свободы человека и гражданина», «субъективные права». Еще Н.В. Витрук в свое время отмечал, что «понятия в науке конституционного права не только узловые пункты познания, но и средство практического совершенствования государственно-правовой действительности»[1].

Закрепление в Конституции РФ, а также в международных документах термина «права и свободы человека» требуют теоретико-конституционных ответов